

– ЛЕО КОСТЫЛЕВ, президент МАПП –

Я РУССКИЙ БЫ ВЫУЧИЛ...

ГРОМОМ среди ясного зимнего неба явилось выступление В.В.Жириновского, с инициативой законодательного проекта о чистоте русского языка. Партия Жириновского собирается внести в Думу закон о запрещении использования журналистами иностранных слов, к которому будет прилагаться список этих самых запрещённых слов. Русский язык во все времена своего существования активно пополнялся за счёт слов из иностранных языков, поэтому лишь наивный может представить себе работу по составлению такого списка лёгкой, а результат удобоваримым. Если список окажется маленьким, но от него не будет толку и он не решит проблемы, а если будет составлен добросовестно, то составит увесистый том, наподобие словаря Ожегова, и использование его в практических целях станет просто невозможным. Рассуждая над проблемой серьёзно, сначала следовало бы составить перечень критериев отбора, а уж только затем сам список. А то ведь, под страхом увольнения на основании этого закона, тележурналисты окажутся не в состоянии приглашать самого лидера ЛДПР на интервью, так как и слово «интервью», и слова «телевидение» и даже «журналист» также являются заимствованными. Впрочем, как и слова «либерал», «демократ» и «партия», из которых состоит название его любимого детища. Мало того, журналисты не смогут даже обращаться к Жириновскому по закону, ибо его отчество содержит иностранное слово, а называть его Владимиром Волковичем, зная строгость его охраны, навряд ли кто-либо решится.

Несмотря на некоторую комичность (а чего ещё можно ожидать от Жириновского?) предложения, проблема действительно существует и в последнее время тенденция заполнения иностранными словами новых понятий приобрела угрожающие масштабы. Это становится особенно опасным на фоне того, что уровень преподавания русского языка в последние годы неизменно снижается (за счёт малой престижности профессии

учителя), население России прирастает исключительно за счёт иммигрантов, плохо владеющих русским языком, а количество читающей публики неуклонно сокращается. Тем не менее, идиотско-ментовскими методами запрещения и наказания её решить всё равно не получится. К тому же закон планируется распространять только на

ГОРАЗДО БОЛЬШЕЕ БЕСПОКОЙСТВО В ЭТОЙ СВЯЗИ ВЫЗЫВАЕТ УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ КАК РАЗ ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ САМИМ ЖИРИНОВСКИМ АРМИЕЙ РОССИЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ И ПАРТРАБОТНИКОВ. КОТОРЫЕ ХОТЬ И НЕ УПОТРЕБЛЯЮТ НОВЫХ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ (ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО В СИЛУ НЕРАЗВИТОСТИ И НЕСПОСОБНОСТИ К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ВООБЩЕ ЧЕГО-ЛИБО), НО НЕ ЗНАЮТ ТАКЖЕ И РОДНЫХ, А В РАЗГОВОРЕ И ДАЖЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПЕРЕМЕЖАЮТ СЛЕНГ С ФЕНЕЙ, НАХОДЯСЬ, ПО-ВИДИМОМУ, В ТВЁРДОЙ УВЕРЕННОСТИ, ЧТО ЭТО И ЕСТЬ САМЫЙ ЧТО НИ НА ЕСТЬ РУССКИЙ ИЗ ВСЕХ ЯЗЫКОВ.

журналистов, которые на сегодняшний день являются почти единственной группой населения, для которых язык является не просто средством коммуникации, но частью их профессии, а значит и дохода. Гораздо большее беспокойство в этой связи вызывает

уровень владения русским языком как раз представляемой самим Жириновским армией российских чиновников и партработников. Которые хоть и не употребляют новых иностранных слов (исключительно в силу неразвитости и неспособности к изучению языков и вообще чего-либо), но не знают также и родных, а в разговоре и даже официальных выступлениях перемежают сленг с феней, находясь, по-видимому, в твёрдой уверенности, что это и есть самый что ни на есть русский из всех языков. А для усиления аргументации подчас используют в качестве дополнительных эмоциональных акцентов приёмы рукопашного боя. Руки, ноги и другие ударные инструменты нашего организма всегда вступают в дело, когда словарный запас заканчивается. Именно поэтому так важно вовремя и в достаточном объёме обучить граждан страны владению родным языком. Но для этого нужно не красноречиво по телевизору, а повышать зарплаты учителям, модернизировать систему образования, в конце концов, разъяснять неустанно, что богатство духовного мира (частью которого является и родной язык) является единственной непреходящей ценностью, не отторгаемой даже с помощью паяльника.

Решать проблему затухания развития языка можно разными способами. Одну из интересных методик показывает, например, Финляндия. В стране существует государственная комиссия по развитию языка, главной задачей которой является, прежде всего, осуществлять перевод на финский язык новых понятий, явлений и продуктов. Отчасти поэтому изучение финского языка требует больших усилий – здесь практически все слова свои, очень мало заимствований. Собственные слова придуманы для мобильных телефонов (kännykkä), компьютеров (teitokone), смартфонов (älypuhelin) и т.п. Показательна история со словом «телефон», который появился в Финляндии ещё во времена, когда она являлась частью Российской империи. Изначально слово не переводили, может быть, именно потому, что не стали

его переводить и в России, и в первые годы существования в адресных книгах на финском языке писалось «telefonі». Однако, затем был проведен общенародный конкурс на лучшее название этого предмета на финском и возникло слово, которое употребляется и сегодня: «puhelin». Непонятно для иностранцев, зато логично и ясно о чём речь для носителей языка. Кстати сказать, слова в Финляндии часто придумывают всем народом. И не только на замену иностранным, но и в случаях появления новых отечественных продуктов. Поэтому, эпитеты «великий и могучий, правдивый и свободный» сегодня гораздо больше подходят к языку ещё недавно отсталой и забытой окраины России, страны Суоми, чем к русскому. «Великим и могучим» русский был тогда, когда Тургенев это написал, в 1882. В иерархии мировой литературы, по крайней мере, первые двадцать мест принадлежат на законных основаниях русским писателям того времени, а просто талантливых и вообще не представляется возможным сосчитать! Но за красивой и широко цитируемой фразой о языке как-то позабылось, что в нём Тургенев искал опоры «во дни тягостных раздумий о судьбах ... родины». Тягостных раздумий с тех пор, пожалуй, не только не поубавилось, но стало ещё больше. Плохо, что сегодня даже «правдивый и свободный русский язык» не помогает «не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома».

А впадать в отчаяние есть от чего. В последние двадцать лет русский язык не только перестал развиваться совсем, но процессом словообразования даже больше никто и не занимается. Слова возникают стихийно, по мере надобности, и в той среде, где они впоследствии и используются. Экономика, особенно те её отрасли, которые возникли после прекращения существования СССР, просто кишит иностранными словами. Причём копируются даже те слова, которые уже однажды были заимствованы, такие как: «тренинг» (тренировка), «продакт» (продукт). Делается это чаще всего бездумно, с единственной целью запудрить мозг очередного потребителя красивыми терминами, за которыми не стоит никаких новых смыслов. Эти потуги вызывают в памяти эпизод из какого-то детского фильма, где загадка оказалась такой сложной, что, по мнению тещи отгадки, ответ должен был быть чрез-

вычайно экстравагантным. И вот он читает: «Ягурайц... нет, огурайц. Огурец же, ёлки-палки!»! Таких «ягурайцев» наплодилось сегодня огромное множество, и одним из них я считаю очень популярное в рекламной среде понятие «ВТЛ». Оно и после перевода на русский язык (ниже линии) не имеет никакого значения, а уж в таком виде, как его принято употреблять – и подавно! На последней (москвичи не обижайтесь, не могу я её называть «крайней», как принято у вас, ибо это, по меньшей мере, безграмотно, а по большому счёту – местечково) выставке IPSA посетителям предлагалось прослушать мастер-класс под названием: «Эволюция процесса креативного брифа на примере одного кейса». Из семи слов шесть(!) не русские, из которых три являются новыми заимствованиями. После объявления названия непременно захотелось спросить: «На каком языке будет проводиться мероприятие»? Нет, я – не максималист и не Жириновский, напавший на слово «контрацептив» (видимо, его так часто обзывают). Поэтому считаю, что поздно уже искать русскоязычную альтернативу словам «эволюция» или «процесс», они воспринимаются уже почти родными, но неужели в некогда «великом и могучем» не найдётся слов на замену «брифу» или «кейсу». Просто позор!

Ещё одной большой сферой «словотворчества» (или уже для большей солидности надо говорить «вордокреатива») является спорт. Когда я впервые услышал от российского комментатора гонок «Формулы 1» слово «пейскар» (рассага), я подумал, что ослышался. «Пейсами» сроду в русском языке называли височные завиточки у ортодоксальных евреев. Комментатор же, ничтоже сумняшеся, обозвал таким образом машину, которая в случае аварий на трассе выезжает вперёд, собирая за собой всю группу участников гонки. Которую тот же комментатор обзывает «пелетоном». Где он взял это слово я гадал долго, пока не вспомнил, что французы называют похожим словом (peloton) основную группу велосипедистов, отличая её от тех, кто ушёл в отрыв или отстал от неё. Получается, что телевизионный комментатор, на своё усмотрение, вводит в русский язык либо безграмотно транскрибированные иностранные слова, либо слова, уже имеющие в русском языке иные

значения. Вот таких и я бы увольнял с работы, даже несмотря на то, что он является неоспоримым знатоком «Формулы 1» и обладает неиссякаемым источником информации по предмету. В отличие, кстати, от футбольных комментаторов, которые и вообще-то слов знают мало, но и те, которые к ним как-то прибились, употребляются ими не всегда в нужной смысловой последовательности. Поэтому, телевизионные трансляции футбольных матчей в России я уже давно смотрю без звука, считая работу комментаторов оскорбительной для своего интеллекта. Хотя некоторые из их комментариев и могут стать хорошими идеями для извращён-

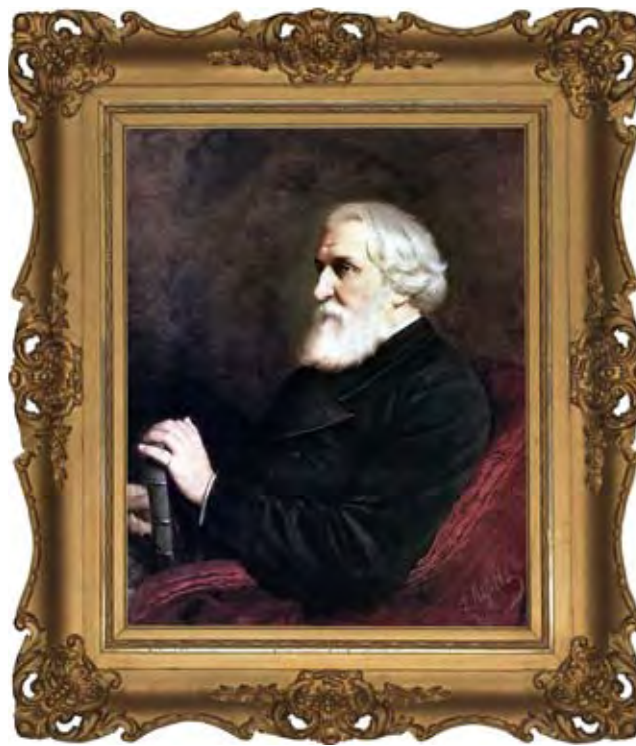
ЗНАМЕНИТУЮ ФРАЗУ
«ГОООООЛ! ***! ШТАНГА!»
ПРИПИСЫВАЮТ ИЗВЕСТНЫМ
КОММЕНТАТОРАМ НИКО-
ЛАЮ ОЗЕРОВУ ИЛИ ВАДИМУ
СИНЯВСКОМУ. К СЧАСТЬЮ
ИЛИ НЕСЧАСТЬЮ, НО ЗАПИСИ
РЕПОРТАЖЕЙ В ТЕ ГОДЫ НЕ
ВЕЛИСЬ. НИКТО НЕ ПОСТРА-
ДАЛ, НО И ПРАВДЫ МЫ НЕ
УЗНАЕМ.

ных российских юмористов. Например, что-нибудь, типа: «Отбил мяч корнями волос».

Ещё одной группой совершенно ненужных иностранных слов являются названия профессий, возникшие в связи со сменой экономической формации. Похоже, что изобретение новых названий заменило работу по повышению профессионального мастерства.

Бездумным и безграмотным копированием чужестранных слов создаётся гламур вокруг новых профессий, с целью не всегда понятно и оправданной обстоятельностью. С первой волной заимствований (которая тоже пришлась на переломный в экономике момент) – «директор» (управляющий) и «бухгалтер» (счетовод) мы уже сроднились, и без них обходиться будет сложно. И как, например, тогда мы будем обозначать то, что сегодня называется «красным директором». Не считать же их всерьёз управляющими! Однако, появившихся «менеджеров», «супервайзеров», «вебмастеров» и иже с ними ещё есть возможность вернуть в лоно родного языка. Не понимаю, почему кто-то желает называться «сейлзом», в то время как в русском языке имеется даже несколько названий этой профессии. Если работа в торговле не нравится так, что даже должность должна звучать как можно непонятнее, то надо идти работать туда, где названия отвечают запросам. Слово «менеджер» в Великобритании означает «начальник». Если в лондонском банке вы попросите менеджера, то придёт директор конторы. В России легко может придти кто угодно, вплоть до уборщицы, которые теперь тоже «клининг-менеджеры». «Клининг» вместо «уборки» вообще случай, извиняюсь за каламбур, клинический. Зачем? Не престижно заниматься уборкой? Но вспомним Шекспира: «Ведь роза пахнет розой, хоть розой назови её, хоть нет». Но здесь хоть значение сохранено, а, например, «продакт-менеджер» в России, как правило, занимается закупками, а в Америке продажами. Сколько же мусора требуется удерживать в голове, работая в России, чтобы элементарно не попасть впросак по вине горе-толмачей.

Как вывод из всего выше написанного можно заключить, что проблем с языком в России хватает, и заимствования иностранных слов лишь одна из них. Но если не взяться за их решение уже сегодня, завтра может уже и не оказаться. Ведь одним из признаков определения нации является наличие своего языка. «Своего» предполагает, в том числе, и наличие аутентичных слов, свойственных только этому языку. В нашем случае – русскому. Многие уже сегодня замечают, что слишком часто слово «российский» заменяет слово «русский» и выражают тревогу по этому поводу. Я также разделяю эту тревогу, ибо не могу не вспомнить, как

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ:

«БЕРЕГИТЕ НАШ ЯЗЫК, НАШ ПРЕКРАСНЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК – ЭТО КЛАД, ЭТО ДОСТОЯНИЕ, ПЕРЕДАННОЕ НАМ НАШИМИ ПРЕДШЕСТВЕННИКАМИ! ОБРАЩАЙТЕСЬ ПОЧТИТЕЛЬНО С ЭТИМ МОГУЩЕСТВЕННЫМ ОРУДИЕМ; В РУКАХ УМЕЛЫХ ОНО В СОСТОЯНИИ СОВЕРШАТЬ ЧУДЕСА».

всего несколько десятилетий назад слово «русский» заменялось словом «советский». Я не стану анализировать, кому и зачем подобная подмена необходима или выгодна, а тем более не хочу вставать на достаточно скользкую дорожку спекуляций на эту тему. Хочу лишь заметить, что было бы жаль утерять создававшийся веками и окончательно отшлифованный интеллигенцией XIX столетия «великий и могучий ... правдивый и свободный русский язык». И если Тургенев был прав и в том, что такой язык должен принадлежать «великому народу», то пора уже этому народу проснуться и доказать своё величие. Хоть если не ради себя, то, по крайней мере, для

своих детей, чтобы они не мечтали уехать из России с наступлением возраста получения паспортов. Ведь было время и ещё совсем недавно, когда поток переселения шёл в обратную сторону. Ещё по статистике 1941 года, в Ленинграде до 20% населения составляли немцы и финны (были и другие иностранцы, но в том году, по понятным причинам, интересовали только эти две национальности). А теперь уже скоро население Германии и Финляндии будет состоять на 20% из русских! До 1917-го года все дворники и большинство горничных Петербурга были финской национальности, а сегодня дворниками и горничными в Финляндии работают русские. Совсем негоже для «великого народа»!

